

Политика и наука

РЕАБИЛИТАЦИЯ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

5 0/5 0. Опыт словаря нового мышления. М. «Прогресс» — «Пайо». 1989. 558 стр.

Эта книга сделана на основе двух композиционных принципов: она и лексикон, словарь, и в то же время диалог. Каждое входящее в корпус словаря понятие дается в двух версиях: советской и французской. Насколько нам известно, у такого издания нет аналога в мировой литературе. Есть толковые словари, есть энциклопедии с комментариями, но словарей с несколькими версиями одного и того же понятия вроде бы никто никогда не издавал. Почему же сейчас в нашей стране появилось это странное издание? Какую потребность — духовную или познавательную — оно удовлетворяет? Ответ очевиден: словарь-диалог — один из шагов на пути выхода из изоляции, попытка присоединиться к общемировому развитию, говорить на одном языке с остальным человечеством.

Потребность в лексиконе, в энциклопедии, в уточнении смыслов регулярно обнаруживается в переломные эпохи исторического развития, когда исчерпан старый консенсус относительно смысла и значения понятий. Самый общеизвестный пример — французские энциклопедисты, заложившие фундамент эпохи Просвещения своим знаменитым изданием. В нашей стране на рубеже веков, на волне общекультурного ренессанса, было издано несколько солидных лексиконов — например, энциклопедия Гранат и восьмидесятишеститомный Брокгауз и Ефрон. Актами сопротивления можно считать вышедшие в годы застоя Философскую энциклопедию и словарь «Мифы народов мира». Некоторым авторам этих изданий пришлось поплатиться за неояльность и нарушение общепринятых правил самоцензуры...

«50/50» — словарь нового мышления. В чем же смысл той духовной и нравственной революции, которая обозначена этим понятием? У всего нового бывает две ипостаси: критический отказ от старого и собственно новое. У нас это новое, как ни парадоксально, в основном представляет собой реабилитацию старого и общепризнанного. Совместный словарь-диалог — наша декларация о возвращении к общечеловеческим представлениям, признание поражения тщеславной попытки присвоить себе роль утопических демиургов, творцов нового мира. Об этом беспощадно говорит Ю. Левада в статье «Социология»: «...распадаются и

иллюзии в отношении... традиционного для отечественной культурной традиции ожидания социального чуда: просветительски-модернизационный мессианизм исчерпал себя».

Итак, сегодня с нами можно по крайней мере говорить на общечеловеческом языке. Это не значит, что мы во всем единомышленники с французскими партнерами, но расхождения в истолковании понятий исходят уже от личности, а не от классов или социальных систем. На суперобложке книги понятие «личность» вынесено на первое место. В самом словаре оно находится в начале второго раздела и представлено в трех статьях: А. Эткинда, В. Мухиной (СССР) и А. Турена (Франция).

Чтобы воспрянуть от тоталитаризма, люди должны прежде всего сбросить бетонную плиту принудительного коллективизма. Об этом пишет А. Эткинд: «Доминирование абстрактно-государственных интересов преодолевается решительным поворотом в сторону индивидуальных, семейных, групповых и коллективных форм человеческой жизни». Уже здесь, в определении приоритетов развития свободной личности, обрисовывается некий контрапункт, который присутствует во всех наших диалогах с Западом, ибо он обусловлен стадийными различиями в истории наших обществ. У нас проблема состоит в том, чтобы сначала дать возможность людям отдохнуть от массовидности, от толпы, от скученности в убогом жилье, от парт- и профсобраний, от давки в общественном транспорте. На Западе же преобладал индивидуализм, поэтому общество сейчас усиленно ищет гармоничных форм коллективности, не противоречащих интересам свободного развития личности. Ален Турен в своем истолковании личности сразу переходит к проблеме кризиса индивидуализма, выход из которого он связывает с феноменом 80-х годов — так называемыми новыми социальными движениями: «Понятие индивида не является более синонимом эмансипации, оно все больше становится ширмой для всяческого принуждения к конформизму перед лицом сил, господствующих в социальной жизни. Напротив, главный принцип новых социальных движений заключается впрямь в понятии субъекта. Этот принцип ставит в качестве цели коллективных действий обеспечение большинству людей возможности жить своей

собственной жизнью, на высшем уровне проявления индивидуальности».

Для нас требование Турена понятно, но пока неприемлемо. Должна пройти целая эпоха социальной эволюции, прежде чем мы, уже став свободными индивидами, сможем поставить себе как ближайшую цель воссоздание нетоталитарной коллективности. Сейчас наша добровольная коллективность выражается в отнюдь не всегда созидательных митингах и демонстрациях, в попытках наладить нетрадиционные формы коммерческой активности (кооперацию, артели, бригады), а также в мафиозных структурах власти и теневой экономики. Что касается положительного противовеса этим малопривлекательным объединениям по-настоящему заинтересованных единомышленников, то тут налицо дефицит коллективности. В отличие от стран Восточной Европы, где политические единомышленники нашли друг друга в считанные дни после падения тоталитарных режимов, у нас за пять лет так и не сформировался новый партийно-политический спектр; несмотря на явное наличие групп единомышленников среди экспертов, специалистов (например, экономисты — сторонники рыночной экономики), нет оформленных научных школ; даже неформальные объединения распадаются прежде, чем широкая публика получает информацию об их возникновении. Полным ходом идет распад искусственно созданной тоталитарной целостности общества, к сожалению, не уравновешенный процессом его нового структурирования. Вакуум власти, провороты впустую механизмов экономической реформы обусловлены в значительной степени (хотя и не на все сто процентов) именно атомарным состоянием общества. Насилие, на котором держалась социальность, отступило, а собственные внутренние силы, оформляющие его кристаллическую решетку, еще не включились, не заработали.

Итак, в данный исторический момент у нас нет личности, нет общности и нет, по сути дела, государственности. Чего еще нет? Нет частной жизни, об этом пишет Л. Седов: «Постоянные нехватки, очереди, коммунальные квартиры — все эти пытки бытом, а в довершение всего груз мнимодобровольной псевдообщественной работы, всевозможные идеологические накачки и т. п. практически лишали человека частной жизни, облегчали государству тотальный контроль за всеми его жизненными отправлениями».

Может, есть еще последнее прибежище человека — семья? Увы, и семьи тоже нет.

Социолог И. Бестужев-Лада не оставляет у читателя никаких иллюзий на этот счет. «Русский сатирик XIX века М. Е. Салтыков-Щедрин написал сказку о жителях города Глупова, которые штурмом взяли свой собственный город и своих собственных жен и дочерей самим себе отдали на поругание. Мы повторили их подвиг и в довершение отдали на поругание самим себе самих себя» — таков беспощадный приговор семье в лексиконе нового мышления.

Не лучше обстоит дело и с общественным мнением: «Увы, правы те, кто ставит под сомнение существование в СССР общественного мнения в прошлом и настоящем... понятие, на протяжении последних десятилетий практически полностью отсутствовавшее в политическом лексиконе советского общества». Правда, автор этих слов Б. Грушин признает, что общественное мнение включено в массовое сознание, но это мало утешает — нерелевантное отражение присуще почти всем живым организмам, вплоть до растительных.

Ю. Левада считает, что нет интеллигенции: «В функциональной системе, именованной реальной социализмом, интеллигенция утратила свою идентичность; насмешкой судьбы можно считать сохранение ее имени для обозначения определенной рубрики в таблице социально-профессиональных позиций». Как тут не вспомнить Воланда с его изумленно-издевательским вопросом: «Что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет!»

Чтобы свести дебет с кредитом, давайте посмотрим, а что у нас есть. Должно же быть хоть что-то, раз есть как минимум авторский коллектив высокого уровня, создавший этот замечательный словарь, зеркало сегодняшнего состояния нашего общества! Есть много такого, что никого не может обрадовать: тоталитаризм (см. статьи С. Серебряного и К. Ингерфлома), национализм (Г. Гусейнов), алкоголизм («К началу перестройки наше общество было весьма сильно поражено и этой болезнью», — пишет М. Левин). Есть у нас и такие понятия, которые непередаваемы на иностранные языки, — например, пресловутая «прописка» или «объективизм». Как объяснить человеку вне нашего культурного контекста, что «объективность» — хорошо, а «объективизм» — плохо?

Новое мышление — наша единственная надежда и оружие в борьбе со всем тем, что у нас есть, за все то, чего пока нет.

Во французской версии (Ж. Бинде) новое мышление определяется как «советская доктрина международных отношений, из-

ложенная М. Горбачевым во второй части книги „Перестройка“». А вот А. Бовин — уже не в первый раз — характеризует данный феномен как «синтез, объединение науки и политики или, иными словами, как применение научных методов, научных подходов к политической деятельности».

Не хотелось бы втягиваться в схоластический спор с авторитетным политическим комментатором, но вопрос слишком важен, чтобы о нем не упомянуть. Как ни прискорбно, но, видимо, то, что Ю. Левада называет просветительски-модернизационным мессианизмом, все же не исчерпало себя до конца. Представление о науке как основе политики и социальной жизни вообще было присуще старому, доктринальному мышлению, претендовавшему, как известно, на научный характер своих догм и принимаемых якобы на их основе решений. Едва ли мы сможем преодолеть нынешний кризис, если будем исходить из того, что в прошлом, мол, недобросовестно отнеслись к неким «настоящим», «подлинным» теоретическим принципам, — отсюда и неудача в «строительстве общества на научной основе». На самом деле любой мало-мальски грамотный ученый-обществовед прекрасно знает, что никакого научно обоснованного общественного строя (системы) не может быть. В обществе действуют совсем иные механизмы, нежели в научном познании. Научные теории разрабатываются экспертами, а эффективное управление обществом, как показала реальная история, основано на представительстве интересов и волеизъявлении широких масс населения. Наука по природе своей инструментальна, она дает ответ на вопрос «как надо делать?», и очень редко можно на научной основе определить, что именно надо делать. Культурные и гуманистические ценности, определяющие в конечном счете индивидуальное и коллективное целеполагание, иррациональны и не могут быть обоснованы научно. Они могут быть предметом научного анализа; их можно объяснить причинно, можно истолковать символический смысл того или иного социального действия. Этим занимается социология, стоящая на позициях «свободы от оценок».

Нам представляется, что наиболее плодотворным элементом социального прогресса является не наука, а некая неуловимая социальная органика — с элементами стихийности, культурного традиционализма и другим «балластом», замедляющим, вероятно, социальный прогресс, но придающим ему устойчивость и соразмерность с реальными возможностями и потребностями об-

щества. На научной основе можно разрабатывать социальные технологии, продуктивные для решения задач среднего уровня, в рамках отрасли или конкретного проекта. Но едва ли целесообразно моделировать такие объемные понятия, как «общественно-экономическая формация», «способ производства», «цель исторического развития» и т. п. Опыт свидетельствует, что в таких случаях любое притязание на научные теории оборачивается насилием над историей, чреватым самой тяжелой расплатой.

Так что не прав А. Бовин, утверждая, что «новое политическое мышление следует тем же методологическим установкам, что и научное мышление вообще». Напротив — оно зародилось не в научном и не в теоретическом, а в практически-политическом контексте. В разных сферах возможны его различные истолкования. В функциональном плане новое мышление можно определить как своего рода социальный код, способный порождать множество индивидуальных комбинаций. Не следует думать, что новое мышление означает одно и то же для людей с различной исходной позицией; оно не тождественно для правых и левых, для развитых стран и для развивающихся. От политических деятелей оно требует большей рациональности, предсказуемости поведения. От деятелей искусства, наоборот, возвышения эмоционального, духовного начала, задавленного псевдорациональными идеологическими схемами. В сфере гражданского общества принципы нового мышления должны активизировать гуманизм, терпимость, возрождать забытый идеал свободы.

Из всех ипостасей нового мышления наименее ясен именно его научный, теоретический аспект. Это феномен изначально инструментальный, и ему сродни идеологические, а не теоретические критерии. И А. Бовин и французский автор Ж. Бинде, для которого первостепенное значение имеет внешнеполитический срез нового мышления, не упоминают о том, что в конечном счете носителем нового мышления должно стать массовое сознание. Именно здесь оно должно вытеснить некое старое мышление. Историки и социологи знают, что социальная система отливается в такие формы, которые соответствуют среднему уровню массового сознания. В этом смысле «Котлован» и «Чевенгур» А. Платонова — точный портрет массового сознания, подогнавшего под себя спущенный сверху идеал социализма.

На самом деле антиподом нового мышления является не старое мышление, а отсут-

ствие всякого мышления. У нас за спиной период ритуальной социально-политической риторики, несоотносимой с реальностью. Заполнить этот вакуум должны не наука и не теория, а самый обычный здравый смысл, не деформированный утопическими и идеологическими мифами. Реабилитация здравого смысла — это задача номер один и для науки, и для публицистики, и для политики.

Общество — живой организм, и в нем действует принцип незавершенности, открытости, по поводу которого норвежский исследователь Э. Дамман сказал: «Альтернативой всеобщему и окончательному является не другое всеобщее и окончательное, а незавершенное, которое остается революционным, ибо оно никогда не превращается в нечто жестко ограниченное, а постоянно пребывает на пути к новому и неизвестному». Сам словарь нового мышления построен по принципу именно такой благодетельной, жизнеспособной незавершенности. Это не «разум в алфавитном порядке» (так был озаглавлен изданный в Женеве и Лондоне «Философский словарь» Вольтера), а «кладези и бездны» энциклопедии (слова Рабле). Маленькие эссе, каковыми является каждая статья, — это и блестящий автопортрет авторов, и обобщенный портрет двух культур, вступивших в плодотворный диалог на страницах словаря. По степени концентрации мысли и стилистическому совершенству текста книга представляет собой выдающееся явление даже на фоне нынешней публицистики, богатой талантами. Отличительной чертой словарных статей является передача содержания на стыке образа и понятия — академизм, научная строгость сочетаются с такой внутренней динамикой изложения, которая не отпускает читателя, ведет от статьи к статье, открывает все новые виды интеллектуального ландшафта, по которому гуляет эхо, внутренняя перекличка идей, образов, логики, доводов и контрдоводов. Так, в статье М. Абенсура «Утопия» гулко аукнулся факт тотального отрицания, явившегося в нашей нынешней ситуации как реакция на не изжитый еще тоталитаризм: «Маркс умер, утопия умерла, анархизм стал трупом. Кто же выживет? Нет, это не мощное живительное очищение от прошлого, открывающее новые горизон-

ты. Это больше походит на уборку квартиры, когда на виду у всех выбрасывают в окно свои иллюзии. Это горькое время подведения итогов перед тем, как обосноваться здесь всерьез и надолго, время, осененное крылом глупости. Такая позиция проникнута злопамятством, ее пафос — лишь обратная сторона революционной серьезности и реакция на нее. Это — позиция зашедших в тупик интеллектуалов, уставших быть идеологами партии и превратившихся в пророков, чтобы надежнее уберечь привилегии мыслящей корпорации». Не об этом ли, но иными словами говорит А. Фадин в статье «Права человека», констатируя наличие замкнутого круга в споре между Властью и Антивластью в русской истории: «Тотальная власть породила тотальный бунт»? И не эта ли дилемма возникает сейчас на многолюдных митингах, хрестоматийно воспроизводящих самые тупиковые эпизоды недавнего исторического прошлого?

Если бы можно было уточнить заглавие словаря, то его, пожалуй, стоило бы слегка изменить: не «Опыт словаря нового мышления», а «Манифест нового мышления». Ибо то, что думают А. Гуревич, М. Гефтер, Ю. Левада, А. Сахаров, Г. Гусейнов и другие авторы словаря, не является достоянием массового сознания, нехарактерно для его уровня. Наоборот, специалисты, ставшие партнерами по диалогу в рамках словаря нового мышления, являются (или являлись в течение долгого времени) группой-изолятом в рамках нашей политической культуры. Объединившись с представителями «другого мира», они создали книгу, которая сама и есть «мир миров», если взять слова М. Гефтера, обозначившего так будущее человеческое сообщество. «...но интеллектуальная революция, — по словам С. Аверинцева, — становится из возможности фактом не тогда, когда открыт новый способ мыслить, а тогда, когда этот способ мыслить доведен до сведения всех носителей данной культуры» («Вопросы философии», 1989, № 3).

Общество наше пока не подошло к тому состоянию, которое соответствовало бы «миру миров», заключенному под обложкой словаря. И в этом отношении он, можно сказать, обогнал свое время.

Н. БРОСОВА,
Л. ЛИСЮТКИНА.